

Прокофьева Елена Юрьевна

**ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПО ДОБЫЧЕ И ОБРАБОТКЕ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ В
ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ: К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ
РАЗВИТИЯ В КОНЦЕ 1920-Х - НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.**

В статье рассматриваются трудности определения перспектив разведки и промышленного освоения полезных ископаемых Курской магнитной аномалии. Выявляются противоречия в оценках хозяйственных возможностей Центрально-Черноземной области, обусловленные завышением показателей при составлении плановых заданий при переходе страны к административно-командным методам руководства в годы первой предвоенной пятилетки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-2/39.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 2. С. 150-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Резюмируя все вышесказанное, следует признать, что особенно затрудняет вопрос о едином смысловом концепте в творчестве М. К. Мамардашвили его весьма специфическая «манера» философствования: отсутствие четкой формулировки проблем и строгой дефиниторности понятий, а также усложненный академический стиль его печатных работ. Именно вследствие этого существенно важным оказывается обретение общего смыслового кода, «понимательного концепта» философии М. К. Мамардашвили. Используемый в данной статье «эстетически-экзистенциальный концепт понимания» философии М. К. Мамардашвили дает возможность осмыслить зону сознания, где сливаются умственное и эмоциональное, где нет завершенности и статичности ума, но есть свободная уникальная неповторимая мыслительная практика индивида, вбирающая в себя экзистенциально-духовное усилие и весьма сложную специфическую процедуру редукции: отрицания привычного, стандартного, типового и заимствованного в эстетической гармонии духовного стремления. Философ рисует картину постепенного прояснения для самого мыслящего субъекта не только мира, но своего собственного бытия, где процедура понимания немислима без того, чтобы в этот когнитивный горизонт не включить эмоциональный фон, фундаментальные экзистенциально-эстетические переживания субъекта. Таким образом, концепт «эстетически-экзистенциального понимания» не только наиболее адекватно объясняет основные положения философии М. К. Мамардашвили, но и связывает воедино феноменологию, эстетику и прагматику как субстанциональные темы в его творчестве, порождая единое представление о философии как сознательном режиме бытия человека, направленном на творчески-рефлексивное добывание истины.

Список литературы

1. Инишев И. Н. Диапазон эстетического: от дискурса до текстуры // Философский журнал. М., 2014. № 2 (13). С. 121-135.
2. История эстетики: в 5-ти т. М., 1964. Т. 2. 834 с.
3. Кругликов В. А. Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М.: Прогресс-Культура, 1994. 240 с.
4. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: Ad Marginem, 1995. 547 с.
5. Мамардашвили М. К. Очерки современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 584 с.
6. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 205 с.

CONCEPT OF "AESTHETIC-EXISTENTIAL UNDERSTANDING" OF M. K. MAMARDASHVILI'S PHILOSOPHY

Petryk Yanina Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Kuban State University
p_yanina@mail.ru

On the basis of works by M. K. Mamardashvili the article examines the aesthetic-existential approach to the practice of thinking. The philosopher explicates the act of thinking by not just phenomenological methods of consciousness interpretation, it is associated with the "pragmatics of consciousness" that is with the regime of conscious human existence involving the whole existential potential of the individual, and with the "aesthetics of consciousness" presupposing a creative, procedural-dynamic approach to the acknowledgement of one's "I" in the aesthetic harmony of spiritual energy.

Key words and phrases: aesthetics; thinking; metaphor; existential; M. K. Mamardashvili's philosophy.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются трудности определения перспектив разведки и промышленного освоения полезных ископаемых Курской магнитной аномалии. Выявляются противоречия в оценках хозяйственных возможностей Центрально-Черноземной области, обусловленные завышением показателей при составлении плановых заданий при переходе страны к административно-командным методам руководства в годы первой предвоенной пятилетки.

Ключевые слова и фразы: Центрально-Черноземная область (ЦЧО); разведка полезных ископаемых; железорудные месторождения; Курская магнитная аномалия (КМА); заработная плата рабочих.

Прокофьева Елена Юрьевна, к.и.н., доцент
Белгородский государственный национально-исследовательский университет
prokofievaeu@mail.ru

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПО ДОБЫЧЕ И ОБРАБОТКЕ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ: К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Поставленные в настоящее время на государственном уровне задачи модернизации отечественной, в том числе добывающей промышленности и достижения импортозамещения в важнейших ее отраслях, несомненно, актуализируют обозначенную в статье проблему.

В 1960-80-е гг. по истории КМА был опубликован ряд научных трудов, защищены диссертации [10; 16]. После длительного перерыва на исходе первого десятилетия XXI в. исследования по истории КМА получили новый импульс. На региональном уровне этот процесс нашел отражение в появлении новых научных публикаций и диссертационных работ [8; 13; 14].

Вместе с тем до сих пор имеет место существенный пробел в изучении обозначенной проблемы в хронологическом отрезке 1920-х – первой половины 1930-х гг. То есть в значимый период, когда определялись общие стратегические перспективы промышленного развития Центрального Черноземья. Именно в эти годы шли наиболее жесткие дискуссии об экономической целесообразности и хозяйственных возможностях промышленного освоения железорудных богатств КМА.

В данной статье автор продолжает анализ положения и перспектив развития в промышленности по добыче и обработке полезных ископаемых на территории Центрального Черноземья, имевших место в 1920-х – начале 1930-х гг. [11].

Летом 1928 г. в контексте процесса экономического районирования СССР территории Курской, Воронежской, Орловской и Тамбовской губерний были объединены в Центрально-Черноземную область (ЦЧО). К началу первой довоенной пятилетки (1928/29 – 1932/33 гг.) 88% общей суммы выпускаемой промышленной продукции ЦЧО приходилось на долю отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье. Однако планы первой пятилетки и их реализация положили начало полномасштабной структурной перестройке промышленного сектора хозяйства ЦЧО.

Объем капиталовложений в государственную промышленность региона на пятилетие предполагал из общей суммы 358,4 млн руб. 61% вложить в предприятия, производящие средства производства (группа «А»), и лишь 39% – в заводы и фабрики, выпускающие предметы потребления (группа «Б») [15, с. 10-11].

При составлении плана особо отмечалось, что «необходимо всемерное развитие... промышленности, которая базируется на полезных ископаемых... Здесь ЦЧО имеет богатые возможности с точки зрения сырьевых ресурсов, транспортных условий, рабочей силы, рынков сбыта» [6, с. 11]. В разведанном Липецком районе КМА планировалась, помимо двух уже работающих, построить еще три доменных печи. На этой базе создать «целый комбинат доменного производства». В состав комбината должны были войти: коксовый завод, химический завод, а также металлургический завод, выпускающий 300 тыс. тонн металла в год. На последнем предполагалось построить пять мартеновских печей и прокатный цех [Там же, с. 14].

Помимо перечисленных предприятий, в рамках создаваемого комбината предполагалось построить чугунно-литейный завод, выпускающий трубы, приборы центрального отопления, радиаторы, котлы и другое оборудование, с годовым объемом производства более 33 тыс. тонн готового литья. Планировалась также постройка механического завода, производящего дробящие машины для химической промышленности, катки для дорожных машин, прессы и формовочные машины. Намечалось и строительство цементного завода с выпуском 1 млн 200 тыс. бочек цемента в год, а также завода по переработке томашлаков на удобрение. В целом, среднегодовой валовой объем продукции всех предприятий комбината должен был составить более 113 млн руб. [Там же, с. 14-15].

Вместе с тем в документах отмечалось что затраты на одно лишь капитальное строительство (без оборудования, оплаты труда рабочих государственных предприятий и бытовой инфраструктуры) оценивались более чем в 170 млн руб. [5, с. 153-155].

Следует особо подчеркнуть, что в ЦЧО составление даже весьма примерных пятилетних планов по отраслям промышленности группы «А» шло в условиях крайнего дефицита финансовых средств. Причиной являлось то обстоятельство, что практически все тяжелые отрасли государственной промышленности в ходе структурной перестройки хозяйства региона нуждались в существенных дотациях. Ситуация была настолько сложной, что СНК РСФСР вынужден был по настоятельным ходатайствам региональных властей неоднократно «списывать» промышленным предприятиям долги перед государством по налогам и «обязательным отчислениям от прибыли». Так, постановлением СНК РСФСР от 30 января 1931 г. «сложение недоимок платежей промышленности ЦЧО за 1929/30 г. составило в целом не менее 5 млн. руб.» [3, д. 12, л. 1].

Подсчеты выявляли очень высокую стоимость создания в ЦЧО современной высокотехнологичной промышленности по добыче и обработке полезных ископаемых. В этой связи в документах плановых органов региона отмечалось, что «пятилетнюю программу индустриализации Области нельзя рассматривать, как окончательную. Она получит те или иные изменения в будущем в зависимости от дальнейшего выявления природных ресурсов Области... и количества работающих... на предприятиях... отрасли» [5, с. 157]. Например, весьма значительные расходы необходимо было предусмотреть, прежде всего, на оплату труда рабочих, число которых в государственной горнорудной промышленности ЦЧО за 5 лет должно было резко увеличиться, что прослеживается в данных Таблицы 1.

Из данных Таблицы 1 следует, что общее количество рабочих госпредприятий ЦЧО за пятилетие должно было почти удвоиться. Абсолютный рост составлял более 26 тыс. чел., в том числе в металлической, мелово-известковой, цементной, огнеупорной и кирпичной отраслях. Общее число рабочих одного лишь «комбината доменного производства», упомянутого выше, должно было составить к 1933 г. более 16 тыс. чел.

Несмотря на хроническую нехватку финансовых средств, в соответствии с задачами значительного ускорения процесса индустриализации Черноземья, дальнейшее развитие разведки, добычи и обработки полезных ископаемых в районе КМА существенно активизировалось с начала 1930-х годов.

Таблица 1.

**Среднегодовой рост числа рабочих в государственной промышленности ЦЧО
по плану первой пятилетки (1928-1933 гг.) [6, с. 12, 15]**

По отраслям	1927/28 гг.	1932/33 гг.	Абсолютный рост	Рост в %
Общее число рабочих	28342	54442	26100	+92,08%
В т.ч. группа «А»	8123	25278	17155	+211,19%
группа «Б»	20219	29164	8945	+44,24%
В том числе в:				
Металлической	4976	16440	11464	+230,38%
Сахарной	3240	5029	1609	+55,21%
Кожевенно-обувной	2258	3580	1322	+58,54%
Мелоизвестковой	1019	2170	1151	+112,95%
Цементной	–	1030	1030	–
Огнеупорной	252	1113	861	+341,66%
Кирпичной	998	1950	952	+95,39

Так, в резолюции декабрьского 1929 г. пленума обкома ВКП(б) ЦЧО предполагалось предусмотреть в контрольных цифрах развития народного хозяйства региона на 1929/30 г. общую стоимость исследовательских работ по разведке КМА в размере 2 млн 41 тыс. руб. При этом в обкоме не скрывали, что для реализации задач по освоению КМА региональные власти должны «энергичней нажимать» на центральные правительственные органы с целью «ускорения выделения средств». Вместе с тем признавалась и важность использования внутренних ресурсов Черноземья. Констатировалось, что «материальную базу индустриализации, условия для ее развития мы должны создать сами, внутри ЦЧО» [3, д. 12, л. 2].

Именно поэтому в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства ЦЧО особое внимание уделялось значительному расширению геологической разведки и ускорению организации промышленной эксплуатации месторождений КМА, в том числе в Старо-Оскольском ее районе. Эти работы были намечены комиссией Госплана СССР на 1929-1932 гг. с главной задачей «начать промышленную разведку... в районах Старого Оскола, Лебединском и Щиграх <...> с закладыванием в этих районах до 50 буровых скважин и двух шахт» [9, с. 83].

В документах отмечалось, что реализация задач по превращению региона из аграрного в индустриально-аграрный напрямую зависела от того, насколько быстро и эффективно в области смогли бы «...разработать липецкие бурые железняки; приступить к использованию курских магнитных кварцитов; <...> отвоевать у природы крупнейшие месторождения минерального сырья для выработки строительных материалов, какими являются глины, цементные мергеля, мел, известь, каолины, песчаники и пр.» [4, с. 82-83].

Таким образом, первый пятилетний план развития хозяйства ЦЧО включал целый комплекс масштабных задач по разведке и освоению природных ресурсов края.

Разведка и организация промышленного освоения КМА по своему размаху была поистине грандиозной. Достаточно отметить, что по известным в исследуемый период сведениям «северный хребет» КМА занимал на территории Курского и Воронежского округов ЦЧО более чем 236 км. Он простирался с северо-запада на юг через Щигры, Ястребовку, Старый Оскол, Бобровы Дворы, Чернянку, Новый Оскол, Буденный, Волоконовку вплоть до Валук. «Южный хребет» КМА шел от Ивни на Прохоровку через Белгород вплоть до границы с УССР и имел разведанную к тому времени протяженность более 100 км. Кроме того, имелись «недостаточно проверенные» сведения Э. Е. Лейста о продолжении отрогов КМА еще не менее чем на 214 км – от Щигров до Дмитровска, и от Ивни до Медвенки [9, с. 81]. Другими словами, «погонная протяженность залегающих магнитных железистых кварцитов на рубеже 1920-1930-х гг. оценивалась приблизительно в 550-560 км, что являлось одной из крупнейших по протяженности в мире.

Если к 1930 г. во всем мире было разведано и раскрыто 13,5 млрд тонн железной руды, то только на КМА ее запасы (по оценкам академика П. П. Лазарева) составляли не менее 25 млрд, а по оценкам академика И. М. Губкина – около 45 млрд тонн. Более того, исходя из исследований немецкого ученого, профессора Хальска, «русские... ошибочно... принимали практически чистое магнитное железо... за “магнитные кварциты”». Хальск утверждал, что если это так, тогда «ценность Курского месторождения не поддается учету» [Там же, с. 82].

Как уже отмечалось автором [11, с. 163], советским правительством на протяжении 1920-х гг. дважды создавались госкомиссии для организации централизованного исследования полезных ископаемых в районе КМА. В 1921/22 г. была создана Особая комиссия по изучению Курской магнитной аномалии, которая за недостатком материальной базы была упразднена в марте 1925 г., а исследования в районе КМА приостановлены. В 1926/27 г. начала работу Специальная комиссия по изучению КМА. Однако вскоре и она из-за нехватки финансирования и специалистов вынуждена была работы приостановить.

Третья попытка возобновить работы по изучению и выработке перспектив промышленного освоения месторождений КМА была предпринята в 1928/29 хозяйственном году, когда при Госплане СССР начала работать очередная государственная комиссия [7, т. 1, с. 257-258; т. 2, с. 49-50].

Однако, по оценке партийно-советской администрации ЦЧО, и третья попытка осуществить широкомасштабное исследование ископаемых богатств региона «окончилась провалом». Причиной систематических неудач местные власти признали тот факт, что «имела место вопиющая нужда в кадрах, могущих руководить геологическими работами <...> и почти полное отсутствие технического оборудования». В результате, как отмечалось в документах, «к концу 1920-х гг. <...> мы не имеем ни одной законченной промышленной разведки. Больше того, мы имеем общий срыв намеченного плана по поисковым и промышленным разведкам» [4, с. 82].

Таблица 2.

План поисковых и промышленных разведок полезных ископаемых на территории ЦЧО на 1928/29 хозяйственный год и результаты его реализации [4, с. 83, 84]

Полезные ископаемые	План поисковых разведок	Выполнено	План промышленных разведок	Выполнено
Фосфориты	14	3	6	0
Огнеупорные глины	6	3	–	–
Гончарные глины	11	8	–	–
Вулканические туфы	1	1	–	–
Каолины	8	8	–	–
Каменный уголь	2	0	–	–
Бокситы	2	0	–	–
Лигниты	3	0	–	–
Цементное сырье (мергели и пр.)	3	1	–	–
Итого:	50	24	6	0

Данные Таблицы 2 показывают, что план поисковых разведок был выполнен лишь на 43,4%, а план промышленных разведок полностью сорван. Следует особо подчеркнуть, что невыполнение предписанного Москвой плана разведок региональная администрация в числе прочих возложила на ученых и специалистов по геологоразведке, а также на хозяйственные органы на местах.

Руководством областного совета народного хозяйства ЦЧО было отмечено «почти полное отсутствие внимания делу геологических разведок со стороны соответствующих организаций» [2, д. 25, л. 83]. При этом отмечалось, что «помимо областной организации, разведками занимались не одна, а несколько окружных организаций» [Там же, л. 84].

В итоге поиски «виновных в срыве разведок фосфоритов и недостаточно активной разведки каолинов, создавших угрозу исключения из планов строительства в Области фарфорофаянсового завода», привели к весьма прозрачным намекам на «вредительство» [Там же, л. 270]. Так, в документах отмечалось, что «в Орловском округе... искали глину для черепицы и не нашли, в то время как она, что называется, под боком лежала. В Козловском округе на участке в 20 га заложили 96 скважин (?!), которые не вскрыли глины. Впоследствии на том же участке снова закладывали скважины <...> и они уже вскрыли искомое» [4, с. 84]. Такие показатели партийное руководство ЦЧО в лице И. М. Варейкиса оценило как «вакханалию, бесцельную трату средств без достаточных оснований <...> требующих немедленного, решительного вмешательства» [Там же, с. 85].

Разумеется, дело было не в сознательном «вредительстве», а в чрезвычайно слабой материально-технической базе и отсутствии квалифицированных специалистов. Для исправления ситуации в 1929/30 г. при совнархозе ЦЧО было создано специальное бюро геологоразведок, на которое возложили задачу «изучения полезных ископаемых ЦЧО для подведения сырьевой базы под предприятия, намеченные к строительству по пятилетнему плану... и организации всех научных сил вокруг этой задачи» [5, с. 153-155].

Таким образом, главной задачей плана геологоразведочных работ на территории ЦЧО в 1929/30 г. стала подготовка сырьевой базы для интенсивного развития промышленности в регионе.

Созданное при совнархозе ЦЧО бюро геологоразведок вынуждено было признать, что «до сих пор почему-то игнорировалось значение залежей железных руд на территории ЦЧО. В частности, недооценивалась важность Липецкого железорудного района, и наблюдалось стремление некоторых обесценить месторождения курских магнитных железняков» [12, с. 46]. В этой связи было решено активизировать геологоразведку полезных ископаемых на территории региона, сделав акцент на разведке непосредственно железных руд.

К концу 1930 г. достаточно подробно были обследованы три крупнейших на тот период железорудных районов ЦЧО: северный – Липецкий, южный – Андреевско-Сергиевский, а также северо-западные и юго-западные территории КМА. Предварительная геологоразведка смежных с упомянутыми территориями районов показала наличие богатых рудоносных пластов на крайнем северо-западе ЦЧО – в районе Кром и Знаменки [15, с. 86-87].

Полученные результаты позволили включить в планы поиска, изучения и освоения железорудных месторождений ЦЧО на 1929/30 хозяйственный год следующие задачи: по КМА – более детально «изучить на предмет залежей железной руды район Старого Оскола через бурение 35-40 пробных скважин (буровые работы общей протяженностью 18 тыс. кв. метров). Включить в план закладку одной действующей шахты... для... ее постоянной эксплуатации». На эти работы отпускалось 3,7 млн руб. [12, с. 49-50]. По району Липецкого Поля предполагалось «продолжить промышленные разведки через закладки 2500 шурфов общей стоимостью работ около 2,5 млн. руб.» [4, с. 94].

Однако утвержденные планы не выполнялись. По мнению ученых и специалистов, одной из важнейших причин срыва запланированных показателей явилось систематическое распыление средств. Кроме того, несмотря на признание исключительной важности и своевременности активизации промышленного освоения железорудных богатств КМА, по решению администрации ЦЧО основной упор на рубеже 1920-1930-х гг. в регионе по-прежнему делали на освоение т.н. «неметаллических ископаемых», что отражено в данных Таблице 3.

Таблица 3.

План разведок по «неметаллическим ископаемым» ЦЧО на 1929/30 г. [4, с. 92]

Вид полезных ископаемых	Число пунктов рекогносцировки разведок	Число поисковых разведок	Число промышленных разведок	Всего
Фосфориты	60	30	15	105
Глины:	30	–	9	39
- черепично-глиняные	–	4	2	6
- огнеупорные	–	–	1	1
- для красного кирпича	12	–	6	18
Каолин	–	4	2	6
Цементное сырье	–	2	1	3
Песок для стекло-производства	5	2	1	8
Мел известковый	6	6	3	15
Охра	–	4	2	6
Трепел	5	5	2	12
Гравий	3	2	1	6
Бокситы	3	2	1	6*
Серный колчедан	5	2	1	8*
Песчаники	4	2	1	7
Гидрогеологические исследования	–	–	48	48**
Итого:	133	65	48	294

* промышленное развитие считалось «условно возможным»;

** по всем районам промышленных разведок.

Согласно данным Таблицы 3, за год предполагалось провести предварительную рекогносцировку в 133 точках региона, начать поисковые работы – в 65, промышленную подготовку к разработке месторождений – в 48. Стоимость всех работ определялась в 500 тыс. руб. Следует отметить, что ученые и геологи считали данные работы «непропорционально объемными» и выражали серьезное сомнение в возможности их реализации в столь сжатые сроки. Однако хозяйственники региона жестко настаивали на необходимости сохранения явно завышенных показателей, исходя из уже запланированного строительства и ввода в эксплуатацию в 1930-1931 гг. промышленных предприятий, под которые необходимо было подвести сырьевую базу. Соотношение планов по вводу в эксплуатацию новых месторождений и предприятий иллюстрирует Таблица 4.

Таблица 4.

Планы строительства новых заводов и ввода в строй новых месторождений по добыче и переработке минерального сырья на территории ЦЧО в 1930-1931 гг. [4, с. 92-93; 5, с. 152-153]

Заводы (по видам выпуска продукции)	План построения заводов на 1930-1931 гг. (ед.)	План ввода в эксплуатацию месторождений на 1930 г. (ед.)	План ввода в эксплуатацию месторождений на 1931 г. (ед.)
Заводы силикатного кирпича	3	3	–
- черепицы	12	8*	9
- красного кирпича	7	*	6
- клинкерного кирпича	2	*	2
- метлахской плитки	1	2	-
- цемента	2	1	1
- стекла	1	–	1
- кислотоупорных изделий	1	1	–
- мела и известки	1	–	3
- охроплавильные	2	2	2
- фосфоро-мельничные	15	3	15
Итого:	47	20	39

* все 8 планируемых для ввода в эксплуатацию месторождений огнеупорных глин в 1930 г. использовались и для производства черепицы, красного и клинкерного кирпича.

Из данных Таблицы 4 следует, что запланированные к вводу 47 промышленных предприятий могли начать работу лишь в том случае, если в эксплуатацию были бы заблаговременно введены 59 новых сырьевых месторождений. Планово-хозяйственные органы ЦЧО считали, что такое соотношение показателей (при их выполнении) удовлетворяло бы потребности промышленности стройматериалов региона на 1930-1931 гг. И создавало определенный резерв для наращивания промышленных мощностей ЦЧО на завершающий период первой пятилетки (1932-1933 гг.).

Как показала практика, заложенное в планах завышение объемов разведки полезных ископаемых, темпов строительства и ввода в эксплуатацию добывающих и перерабатывающих предприятий, привели к полному срыву планов. В конце 1930 г. региональные хозяйственные структуры вынуждены были признать, что «несколько улучшилась... лишь ситуация с кадрами, но... к сожалению <...> мы почти ничего не добились по разведочным и геодезическим инструментам» [Там же, с. 93].

С учетом создавшегося положения политическому руководству ЦЧО в лице первого секретаря обкома ВКП(б) И. М. Варейкиса учеными и хозяйственниками задавались весьма «крамольные» для того времени вопросы: «Реален ли... утвержденный план? Нет ли симптомов, грозящих его срыву?».

Отвечая на них, руководители ЦЧО вынуждены были признать, что «да, опасность срыва есть, поскольку ко второй половине отчетного 1930 г. оказалось выполнено лишь 34,7% от запланированных показателей». При этом отмечалось, что геологоразведка шла в основном по «неметаллическим ископаемым... да и то лишь по фосфоритам и огнеупорным глинам, поскольку другие ископаемые требуют более точной постановки разведывательных работ» [Там же, с. 94].

В план были включены также масштабные работы по разведке каменноугольных месторождений, «в том числе пробивка в 1930 г. не менее 7 глубоких скважин (стоимостью 410 тыс. руб.). Одновременно продолжалась разведка гранитов, мергелей, латинских глин с составлением геологических карт их залегания (стоимостью работ 102 тыс. руб.). Шло расширение разведки фосфоритов и торфа (стоимостью более 300 тыс. руб.)» [1, д. 29, л. 7, 8].

Поэтому планы по дополнительной «закладке 35-45 пробных скважин, строительству и вводу в эксплуатацию одной действующей шахты в районе Старого Оскола (стоимостью 3,7 млн. руб.), а также бурение в районе Липецкого месторождения 1 тыс. шурфов (стоимостью 2,5 млн. руб.)» были признаны хозяйственниками «невыполнимыми» [Там же, л. 1, 4].

Анализируя сложившуюся ситуацию, ученые и хозяйственники пришли к выводу, что «даже если работать в три-четыре раза интенсивнее, чем до сих пор, но без изменения самой методологии разведок, то вряд ли мы справимся с этой работой в срок» [Там же, л. 9]. Освоить за один 1930 год в общей сложности более 7,5 млн руб. в ЦЧО не представлялось возможным.

Для исправления ситуации специалисты предлагали изменить методологию практического решения проблемы.

Во-первых, было отмечено, что на территории ЦЧО с начала 1920-х гг. не менее десяти организаций центрального и местного значения вели работы, часто дублируя друг друга. Предлагалось поставить вопрос об объединении всех геологических разведок в единый центр и организовать единый научно-исследовательский институт с приданием ему оперативных функций.

Во-вторых, решено было значительно упростить практику геологоразведок и обработку их результатов «за счет исключения из процесса закладки пробных скважин, то есть... обойтись закладкой одних шурфов» [4, с. 94].

В-третьих, вместо «дорогостоящих и очень долго выполняемых» заказов на испытания материала в специальных лабораториях за пределами ЦЧО предлагалось «приспособить какой-нибудь небольшой заводик в области... что удешевило бы и... ускорило дело подготовки сырьевой базы для заводов» [Там же, с. 95].

Как показали дальнейшие события, эффективность данных предложений первоначально была подвергнута критике лоббирующими ведомственные интересы организациями. Однако в условиях резкого ускорения процесса индустриальной модернизации СССР в первой половине 1930-х годов предложения совершенствовать логику геологических разведок с целью активизации освоения месторождений в районе КМА были признаны приоритетными.

В целом, после острых дискуссий 1920-х – начала 1930-х годов партийно-государственное руководство региона признало, что «промышленная разработка и освоение не поддающихся учету колоссальных нетронутых богатств недр области... станет ключом индустриализации ЦЧО и коренным образом изменит экономику края» [Там же, с. 82]. В этой связи главной задачей плана геологоразведочных работ на территории ЦЧО к началу 1930-х годов становится подготовка сырьевой базы для интенсивного развития промышленности. И стратегический курс на всемерное расширение промышленного освоения, прежде всего, железорудных месторождений КМА, со значительной опорой на внутренние ресурсы региона был принят к практической реализации политическим руководством как в центре страны, так и в Центральном Черноземье.

Список литературы

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-1439. Оп. 1.
2. ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 3.
3. ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 4.
4. Елистратов В. К изучению полезных ископаемых ЦЧО // Хозяйство Ц.Ч.О. 1930. № 3-4. С. 82-95.
5. К контрольным цифрам хозяйства ЦЧО на 29-30 г. Из итогов истекшего года // Хозяйство Ц.Ч.О. 1929. № 10-11. С. 149-158.
6. Карро И. Некоторые основные моменты пятилетнего плана развития ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. № 1 (4). С. 1-19.

7. **Курская магнитная аномалия: история открытия, исследований и промышленного освоения железорудных месторождений.** сб. док. и мат-лов. Белгород, 1961. Т. 1. 1742-1926. 418 с.; Белгород, 1962. Т. 2. 1926-1962. 630 с.
8. **Пешехонова О. В.** Освоение Курской магнитной аномалии в 1930-40 гг. // Краеведение в Курском крае: прошлое и современность. Межрегиональные связи: труды 2-й международной научно-краеведческой конференции. Курск, 2007. С. 53-57.
9. **Поспелов А.** Магнитная аномалия в Старо-Оскольском районе ЦЧО // Хозяйство Ц.Ч.О. 1929. № 12. С. 79-83.
10. **Природные и трудовые ресурсы района КМА.** Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1987. 136 с.
11. **Прокофьева Е. Ю.** Промышленность по добыче и обработке полезных ископаемых на территории Центрального Черноземья: трудности и перспективы развития в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58). Ч. II. С. 162-167.
12. **Ремейко А.** Липецкий металлургический комбинат – большая и осуществимая проблема // Хозяйство ЦЧО. 1929. № 2 (5). С. 46-94.
13. **Слободенюк Н. В.** Формирование и развитие горно-металлургического комплекса в районе Курской магнитной аномалии во второй половине XX – начале XXI в.: дисс. ... к.и.н. Воронеж, 2009. 227 с.
14. **Терещенко А. А.** Развитие промышленности в городах Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. Т. 2. № 3. С. 103-124. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/021-011.pdf> (дата обращения: 24.10.2016).
15. **Четыре года социалистической реконструкции ЦЧО.** Воронеж: Коммуна, 1932. 136 с.
16. **Юров А. Ф.** Из истории освоения железорудных богатств Курской магнитной аномалии (1918-1966 гг.): дисс. ... к.и.н. М., 1967. 186 с.

**MINING AND MINERAL PROCESSING INDUSTRY IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION:
ON DIFFICULTIES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT
AT THE END OF THE 1920S – THE BEGINNING OF THE 1930S**

Prokof'eva Elena Yur'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
Belgorod National Research University
prokofievaeu@mail.ru

The article considers difficulties in determining prospects for exploration and commercial development of mineral resources of Kursk Magnetic Anomaly. The author reveals contradictions in assessments of economic opportunities of the Central Black Earth Region conditioned by inflated figures in planned targets during the country's transition to administrative-command methods of management in the pre-war years of the first five-year plan.

Key words and phrases: The Central Black Earth Region; mineral exploration; iron ore deposits; Kursk Magnetic Anomaly; wages.

УДК 791.43.03

Искусствоведение

В статье рассматриваются идейно-художественные особенности фильма Фрица Ланга «Блуждающий образ». Авторы анализируют характер отображения в киноленте социальных и философских проблем, ключевых для творчества Л. Н. Толстого, Г. Гауптмана, Ф. Ницше; описывают художественные приемы, используемые режиссером для выражения идеалов христианства, присущих народной культуре. Особое внимание уделяется отказу Фрица Ланга от традиций киноэкспрессионизма и символизма в пользу бытовых зарисовок, натурных съёмок, реалистического отображения жизни различных социальных слоёв.

Ключевые слова и фразы: киноискусство; история художественно-игрового кино; экспрессионизм; символизм; Фриц Ланг.

Роман Сергей Николаевич, к. филол. н.

Булавкин Клим Валерьевич, к. филол. н.

Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево
berbertolu44i@mail.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ФРИЦА ЛАНГА
В ФИЛЬМЕ «БЛУЖДАЮЩИЙ ОБРАЗ» (1920)**

Среди ранних кинолент великого немецкого режиссера Фрица Ланга, дошедших до наших дней, наименее исследованной является картина «Блуждающий образ» (1920). Это вызвано тем, что примерно четверть фильма является утраченной. При реставрации в Бразилии недостающие эпизоды заменили интертитрами, облегчающими понимание происходящего на экране, что при отсутствии сохранившегося сценария делает подобное решение проблемы весьма спорным. Однако для осмысления творческой эволюции режиссера именно эта лента является крайне важной: в ней он впервые сочетает и художественные элементы, свойственные экспрессионистическому, символистскому произведению, и реалистические сцены, демонстрирующие повседневную жизнь Германии.

Следует помнить, что раннее творчество Ф. Ланга напрямую связано с попытками художественного осмысления специфики различных этнических культур, что приводило к созданию весьма условных, экзотических